

— Ну, да, постановка, — легко согласилась Марина. — Только знаешь, в каждой шутке есть доля шутки... и в каждой порнухе есть свой кусочек правды — причем, порой, довольно большой... и черный.

Подруги дружно захохотали.

За окном уже начинало светать...»

«Следующий день начался для Марины и ее подруги Юли, как и следовало ожидать, уже ближе к вечеру.

Вчерашний диалог дал о себе знать: обе девчонки проснулись в том удивительном состоянии, когда муть в голове от долгого дневного сна смешивается с мерцающим туманом сладкой неги, которым сопровождаются очень неприличные мыслишки.

Так, Юле всю ночь снилось, как она стонет под мускулистым чернокожим самцом, который сзади имеет ее в узенькую щелочку своим огромным хером. Движения бедер негра были ритмичными, сильными резкими. По коже цвета темного шоколада текли ручейки пота, влажным блеском придавая и без того выразительному рельефу упругих, напряженных мышц еще больший объем.

Каждый раз, входя до предела, негр скалился, обнажая крепкие белые зубы, и сильнее сжимал Юлины ягодицы своими громадными черными лапами. И Юля дико, словно бешеная, кричала от головокружительной смеси адской боли и фантастического наслаждения, содрогаясь в конвульсиях очередного оргазма, которым она потеряла счет.

По Юлиной киске то и дело шлепали здоровенные яйца негра. Девушка хоть и не видела тяжелого кожаного мешка — гладкого, без единого волосика, в дань эстетике девичьего сновидения — но зато отчетливо ощущала, его вес при каждой фрикции.

«Господи, сколько же там у него спермы? Я, наверно, от первой же струи залечу... Божечки, только бы он не кончил в меня!» — думала Юля во сне в те краткие мгновения, когда могла худо-бедно складывать в голове разлетевшиеся по закоулкам сознания обрывки мыслей.

Внезапно, Юля увидела своего парня.

Того самого, которому сотни раз признавалась в любви. Вместе с которым ей так нравилось засыпать и просыпаться. С которым она мечтала завести семью — и, конечно, дожить до глубокой старости, чтобы умереть в одно мгновение, поглаживая слабеющей ладонью его красивые, длинные пальцы.

Все эти романтические грезы остались в том, обманчиво-реальном, внешнем мире.

Сейчас Юлю беспощадно сношал здоровенный негр с огромным членом и яйцами, которые пришлось бы в пору породистому быку-производителю. А между ее покрасневшимся, искаженным гримасой болезненного удовольствия личиком и лицом ее любимого, словно из воздуха, возникла стеклянная стена. Юля не слышала, что кричал ей ее бедный мальчик, отчаянно колотя по прозрачной преграде. По его щекам текли слезы. Его губы, которые Юля так любила нежно целовать, сейчас скривились подобно греческой маске, выражающей невыносимую, бессильную досаду.

И тогда, глядя на своего несчастного мальчика, на своего любимого — и ощущая, как в ее пизденку нещадно терзает невероятных размеров черный хуй — Юля расплылась уже не в болезненной, но в блаженной улыбке.

Ее безумно заводило то, что ее парень, который столько сделал, чтобы быть вместе с нею, который всегда потакал ее капризам, в данный момент беспомощно бьется в прозрачное стекло, до крови разбивая кулаки о толстую стену и беззвучно крича.

И тут Юлю осенило: в этом мире, рожденном ее фантазией, ничто не помещает ей ощутить блаженство от непередаваемого ощущения, которое испытывает она, похотливая белая самочка, которую с яростным, животным напором имеет огромный чернокожий самец.

Ее возбуждало бессилие ее мальчика. И она не слышала не единого слова, не малейшего звука, который мог бы отвлечь ее от сексуального блаженства.

А вот ее парень слышал все...

— О, Боже! Да! Да! Даааааа! — закричала Юля, выгибаясь в новой волне захлестнувшего ее оргазма. — Да, вот так! Еби меня! Выеби меня, мой черненький! Трахай мою пизденку своим огромным черным хуем! Мой черный... мой большой... мой большой и черный негр! Я — твоя белая сучка! Я — твоя шлюшка, твоя вещь! Господи, какой же у тебя огромный хуй! Еби меня им! Вот так! Сильнее! Еще!! Еще!!!

Негр издал звериный рык — и, крепко ухватив девушку за бедра, легко, словно пушинку, поднял ее в воздух. Юля ощутила, как здоровенный член, до того, казалось, заполнивший всю ее, вонзился еще глубже в ее измученное, трепещущее лоно.

Теперь ее коленки упирались в мускулистые бедра чернокожего гиганта, а его непомерные ручищи сжимали ее груди, периодически выкручивая напряженные сосочки.

— Аааааааааа! — Юля заорала во всю мощь своих легких. — Мамочки! Как хорошо!

Она пыталась нащупать руками своего черного любовника, чтобы еще сильнее прижаться к нему, чтобы воедино слиться с ним в вечной пляске похоти и плоти.

А Юлин мальчик, такой маленький и такой жалкий, рухнул на колени, безвольно уронив подбородок себе на грудь.

Он ничего не мог сделать — с той стороны издевательски-прозрачной стены, не поддающейся его ударам и не пропускающей ни единого звука к его девочке, к его нежной, ласковой и трепетно любимой Юленьке, которая сейчас сходила с ума от наслаждения, содрогаясь на огромном, черном хуе.

— Любимый! — Юля окрикнула своего мальчика — и он тотчас поднял на нее свои мокрые и красные от жгучих слез, несчастные глаза.

Даже в этот момент она была прекрасна: светловолосая, с милым, озорным личиком и вечной, чуть наивной полуулыбкой на полных губках. Однажды ее даже фотографировали для какого-то календаря, должного продемонстрировать, подле месяцев и чисел, образцы подлинной, исконно славянской девичьей красоты. И хоть, к тому времени, Юля была уже давно не девочка, игривый блеск в голубых глазках, светло-русые волосы до плеч и точеная фигурка, обтянутая легким светлым платьицем, сделали свое дело.

И сейчас эту милую, русскую девочку по-звериному сношал огромный негр, до самого конца вводя в ее узенькую, бритую кисоньку свой здоровенный черный хер, по которому обильно стекали ее соки.

— Любимый! — вновь воскликнула Юля, сбивчиво дыша от мощных толчков своего черного ебыря. — Любимый, какой же у него огромный хуй! Куда больше чем у тебя! Как же мне хорошо, когда он ебет меня, милый... Как же глубоко он во мне! А ты видишь его яйца? Сколько же в них спермы... Представляешь, если этот черный зверь вздумает кончить в меня, любимый?

Ее мальчик вновь уперся ладонями в непроницаемое для его стенаний и мольбы стекло. Но услышал в ответ лишь:

— Боже, как же мне хорошо, родной! Как он меня ебет... Как он вставляет... Оооооо... — Юля вновь зашла в судорогах оргазма, а после с игривым огоньком в блестящих, влажных глазах посмотрела на своего бедного мальчика. — Ты ведь меня любишь, родной? Все равно любишь, больше всего на свете? Любишь свою девочку? Любишь свою малышку, которая кончает от здорового черного хуя?

Внезапно негр издал звериный вой — и ускорил темп, видимо, приближаясь к финалу.

— Оооооох! — теперь Юле уже почти не удавалось говорить нормально, уж больно яростным был напор ее чернокожего любовника.

Но она все равно выдыхала, выкрикивала, выдавливала из себя слова, ощущая бесконечное удовольствие, произнося каждое из них прямо в лицо своему беспомощному, беззащитному, такому жалкому ничтожному мальчику.

— Похоже... мой... зверь... скоро кончит... Слышишь... слышишь, как он рычит? — с трудом, произнесла Юля сквозь стон и сладостные вздохи. — И... он... он кончит... прямо... в меня... И я... я забеременею... от... от его спермы... Боже... Мамочки... Ты же... ты же меня... меня не бросишь... не бросишь меня, люби... люби... ох, бля... как же... классно... Будешь... нянчить че... черную ляльку... Будешь... будешь со... со мной до... до конца... Я... я рожу... рожу от него... рожу от него деток... Мно... ой, мама... много... много черных деток...

Негр перешел на низкий рык и стал буквально вколачивать свой хер в ее хлюпающую, истерзанную огромным, черным мужским достоинством, гладко выбритую щелочку. Его яйца разбухли до совершенно невероятных размеров, а член по крепости мало уступал здоровенной стальной дубине. — Да! — Юля истошно закричала. — Кончай в меня! Наполни меня своей спермой! Сделай так, чтобы я забеременела! Я хочу родить тебе детей! Хочу от тебя черных деток! Мой самец, мой черненький... мой любимый, кончи в меня! Вылей все! Я хочу от тебя забеременеть! Я хочу забеременеть от твоего огромного хуя! Я хочу забеременеть от твоей густой спермы! Я хочу от тебя детей!..

Юля рывком вывалилась из сна с криком «Я хочу от тебя детей!» на устах.

— Что, прямо сейчас? — насмешливо спросила Марина у подруги, выходя из душа обернутая полотенцем. — Может, сначала коляску купим? И распашонок с памперсами?

Юля тряхнула головой, непонятливо оглядела их комнату и, облегченно выдохнув, снова рухнула головой на подушку:

— Фуууух... Блин, приснится же такое...

Марина, тем временем, рылась в вещах, пытаясь найти фен. Неожиданно, ее полотенце спало, открыв миру взор на ее аккуратные, упругие грудки, попку и гладко выбритую киску.

— Твою ж... — Марина наклонилась, чтобы поднять свое разноцветное, махровое «прикрытие», отчего ее ягодицы предстали бы неожиданному визитеру в еще более выгодном свете — как и розовая щелочка.

В такие моменты люди очень часто недооценивают важность случая.

Нелепицы, курьезы и насквозь анекдотические ситуации происходят в нашей жизни не то, чтобы совсем уж редко. Просто, всякий раз случаясь, они приносят с собой, пускай не катастрофические, но вполне ощутимые перемены.

К примеру, ближе к вечеру, чья-то верная супруга застревает в лифте с примерным семьянином. Случился перепад напряжения, сбой древней техники, позабывшей о

регулярной обслуге, каверза какого-нибудь современно Герострата, решившего порадовать себя порчей проводки в многоквартирном доме — да что угодно случилось, чисто гипотетически способное заставить кабинку лифта встать посреди шахты.

Суть внезапного косяка не так уж важна — главное, что он таки случился. Именно случился — то бишь обрел реальные рост, вес, цвет, геометрическую форму, характерные запахи и уникальные обстоятельства — по воле случая, коего частенько, совершенно незаслуженно именуют «слепым».

Ибо слепота случая родственна той слепоте, которой обычно наделяют Фемиду, который просто ошибся дверью. Поэтому я, пожалуй, пойду, пока вы вновь не принялись бессмысленно расточать вашу красоту.

Парень повернулся — и неторопливым, уверенным шагом направился в сторону двери. — В следующий раз, стучитесь... — вполголоса произнесла Марина вслед парню, в противоречивой надежде, что эти слова не коснутся его слуха.

Но он все-таки услышал.

— Непременно, — чуть обернувшись, с обаятельной улыбкой, ответил незнакомец.

Когда за парнем захлопнулась дверь, Юля продолжила свой гневный спитч — на сей раз, высказывая претензии пустому пространству и Марине, которая плохо слушала подругу, вспоминая взгляд серо-зеленых глаз.

— Да и ты тоже хороша, Марин! — внезапно накинулась на нее Юля. — Нет бы, послать его, куда подальше — так она завернулась по уши и молчит, как засватанная! Он, между прочим, на твою задницу пялился и к твоей пизде в гости просился! А ты ему... — Юля скривилась и, подражая Марине, пропищала. — «Стучитесь... «! Ты бы еще ему номерок дала — а лучше на прощанье ротиком порадовала, чтобы к нам «народная тропа» не зарастала!

Марина слышала понукания подруги, даже как-то устало обижалась на них — но словно бы во сне. Весь окружающий мир сейчас перестал быть для нее чем-то значимым. Перед глазами стоял без спросу вошедший к ним парень — и, улыбаясь, смотрел на нее своим манящим и опасным взглядом.

Впервые, за несколько лет, Марина ощутила внутри что-то горячее, что-то, фантастически приятное, что-то важное и отчего-то ей очень-очень нужное.

После того унижительного расставания с бывшим, Марина решила, что больше никогда и ни в кого не влюбится. Мужчины нужны были ей как средство удовлетворения своих желаний — а в особых случаях, своих сокровенных фантазий и жажды сексуальной новизны. Даже имен своих любовников она старалась не запоминать — зачем?

Имя — это ведь уже почти знакомство, а знакомство — это, какое-никакое, а отношение. А с отношениями Марина решила завязать до той самой поры, пока ее биологический звоночек не заиграет переливистую мелодию «Пора рожать детей, родная! Тебе пора рожать!». Да и то — зачем роднится душами с подходящим самцом, который просто поделится с ней своим генетическим материалом?

Но сейчас Марина почувствовала, как, вопреки своим принципам, которыми он так гордилась, вопреки гордости и прагматизму — вопреки всем барьерам, препонам и фильтрам ее сознания...

Она влюбилась.

Влюбилась в парня, который просто увидел ее голой, случайно зайдя к ней в комнату.

— Юль... — Марина внезапно прервала сыплющую негодованиями подругу. — А как его

зовут?

— ... в конец оху... — осеклась Юля. — Кого?

— Ну, парня, который к нам вошел?

— Да он не сказал... — удивленно произнесла Юля, глядя на Марину — и тут, начиная понимать, куда несутся флюиды, она хитро прищурилась и спросила:

— А с чего это ты спрашиваешь, подруга? Понравился, что ли?

Марина хотела было возразить, но что-то внутри мешало ей даже просто привычно соврать собственной подруге.

— Ну, точно, втюрилась! — Юля картинно сложила руки на груди. — Значит, вот как у тебя бывает, милая... Входит новый мальчик, видит твою попку — и ты уже готова ему лялек рожать и борщи наваривать! А я думала, у меня все в жизни через одно место случается... Скажи, по секрету: а с бывшим вы, часом, не в бане познакомились? Ну, или в раздевалке, на физре...

При упоминании о бывшем, томительная нега вмиг слетела с Марина — и ее место заняли раздражительность, вместе с проказливым ехидством. Юля не сказала, какого именно бывшего она имеет в виду, но Марина отчетливо поняла, что подруга говорит о том самом, ненавистном «экс-», который ни разу не всплывал у нее в голове за время чудесного, южного отдыха.

До этой самой секунды.

— Юлечка, давай ты помолчишь, — в голосе Марины послышались металлические нотки. — Ты уже много чего сказала — все, хватит. Я не хочу больше слушать про сегодняшний случай. А если тебе не терпится — можешь догнать нашего гостя — и высказать ему остатки своих матюков. Чтобы он тебя снова умело заткнул.

Юля поняла, что сболтнула лишнего — и мигом примолкла, под тяжелым взглядом своей подруги.

— Вот и хорошо, — Марина отбросила простынь, вновь обнажившись, встала, накинула легкий, коротенький халатик и вновь занялась поисками фена. — Кстати, Юль... А от кого это ты сегодня детей хотела?

— Да... от своего... — неуверенно произнесла Юля, вновь вспоминая свой жуткий и прекрасный сон.

— Да ну? — Марина отыскала-таки свой сиреневый фен. — А что ты так поникла? Или ты уже передумала? А может... — направившись в ванную, Марина замерла и озорно посмотрела на подругу. — Может, тебе кто-то другой приснился? Например... кто-нибудь большой и черный? — Да ну тебя! — в момент зарделась Юля, уведя глаза в сторону.

Марина улыбнулась еще шире — и зашла в ванную. Но уже через минуту ее потревожили: в ванную залетела Юля со странным выражением лица — и, не говоря ни слова, потащила за собой — ко входной двери. Марина еле успела выключить фен и отбросить расческу, которая со звонким шлепком разлетелась о кафельный пол, свалившись с края раковины.

«Хорошо, хоть новенький фен уцелел...» — успела подумать Марина, с трудом успевая за внезапно прыткой подругой.

— Юль, ты что, совсем с ума со... — Марина осеклась на полуслове, увидев распахнутую в коридор гостиницы дверь.

На противоположной от их номера стене красовалась надпись, выполненная красивым, вычурным почерком в двух цветах — черном и зеленом. Откуда их неожиданный гость знал,

что именно эти два цвета были у Марины любимыми, оставалось загадкой, но было очевидно, кому предназначалось это послание:

«Хочу увидеть тебя полностью...» — и небрежно размашистый, при этом очень аккуратный веселый смайлик в конце.

Под надписью имелись и цифры — номер гостя.

— Нет, ты подумай, какой гондо... — с прежним, показным негодованием протянула Юля, но оборвала себя, глядя, как Марина рванула обратно в комнату так, что аж задрался ее коротенький халатик, обнажив упругую попку.

Правда, секунд пять спустя она вернулась со своим телефоном и принялась спешно записывать оставленный парнем номер в соответствующее поле нового контакта...»